

Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем

Том 1

УДК 93
ББК 63.3
В27

В27 Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: Том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 324 с.

ISBN 978-5-518-04275-9

ISBN 978-5-518-04275-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

19 февраля 1911 года — праздник прогрессивного русского общества. Именно прогрессивного, и его одного. Реакционные круги заранее торопятся сказать, что это будет не их праздник. Уже за несколько месяцев до юбилея теперешние крепостники начали свои лицемерные причитания по поводу того, что «либералы» собираются праздновать годовщину 19 февраля, и на страницах тех органов, где пишут наемные идеологи феодальной реакции, можно было не так давно прочесть такой напетый крепостному укладу:

«Осталось всего несколько месяцев до 50-летия освобождения крестьян. Чем-то либеральная Россия вспоминает годовщину знаменитого дня? Неужели только затасканными фразами: «сбыте великое (!), доброе, вѣчное», и пр.? Неужели повторением все тех же невѣжественных и ненавистнических проклятий крепостной культуры, которая вскормила и вспоила самих господ либералов. да и теперь еще продолжает подкармливать их — не только материально, но и духовно? Въ самом дѣлѣ, выкиньте-ка изъ русского современнаго просвѣщенія такіе продукты крепостной культуры, какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Грибоедовъ, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Островскій, Левъ Толстой — много ли останется отъ русской литературы? Выкиньте все, что дала крепостная культура русской музыкѣ, живописи, театру, наукѣ, техникѣ, военному дѣлу. Тошнотный остатокъ послѣ-крепостной культуры покажется еще болѣе жалкимъ, если изъ него вынуть умственный капиталъ предковъ и имѣть дѣло лишь съ пореформенными процентами».

Тирада принадлежит г. Мельшикову, и явно рассчитана на техъ послѣдней феодально-крепостническаго міровоззрѣнія, которые читаютъ «Нов. Время» и сидятъ въ свѣтѣ объединеннаго дворянства. Потому что для всякаго другаго такія разсужденія будутъ доказывать только одно: что авторъ либо умышленно ослѣпляетъ себя социологическими абстракціями, либо добросовѣстно не умѣетъ разобраться въ социологическихъ конструкціяхъ.

Когда Аристотель прославлялъ рабскую культуру, — это было понятно и естественно: онъ не зналъ, какіе плоды способна дать культура, построенная не на рабствѣ. Когда рабство прославляютъ теперешніе идеологи крепостничества, — это просто дико. Ибо стоитъ посмотреть кругомъ на сосѣдей, гдѣ много вѣковъ назадъ исчезло крепостное право, и мы увидимъ, что ни для культурнаго блеска ни для расцвѣта международной мощи страны нѣтъ ни малѣйшей необходимости въ фундаментѣ изъ рабскаго труда. Наоборотъ, гениальные политики, какъ дѣятели революціи во Франціи, какъ баронъ Штейнъ въ Пруссіи, умѣли понять — и въ этомъ ихъ огромная заслуга передъ родиною — что только распадѣніе крепостныхъ узъ способно окрылить національнѣйшіе гении, обнаружить во всемъ блескѣ силы и дарованія народа, раскрыть всю необъятную ширь народнои души.

Что касается приведеннаго мудраго разсужденія, то прежде всего нужно доказать, что всѣ упоминающіеся тамъ корифеи русской литературы были бы невозможны безъ крепостнаго права. Положеніе — явно недоказуемое, ибо рядомъ съ нимъ можно съ такимъ же успѣхомъ поддерживать тезисъ прямо противоположный: что Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ и т. д. сдѣлались тѣмъ, чѣмъ сдѣлались, во и р е к и крепостной культурѣ. И такъ какъ крепостники побиваются простымъ логическимъ орудіемъ, то нѣтъ никакой необходимости переводить споръ на идейную плоскость и говорить о моральной недонустимости крепостнаго строя, о ненормальности того факта, что единичные цвѣты гения расцвѣтали на почвѣ, взрыхленной кровью и страданіями миллионвъ.

Во всякомъ случаѣ очень хорошо уже то, что современные крепостники заранее отмежевываются и не желаютъ принимать участія въ юбилейныхъ торжествахъ. Нашъ праздникъ отъ этого будетъ только свѣтлѣе, радостнѣе и уютнѣе. А они — пусть себѣ оплакиваютъ крокодиловыми слезами безвозвратно канувшія въ вѣчность времена Салтычихи и военныхъ поселеній. Только напрасно пристегиваютъ они къ своимъ сокрушеніямъ имена великихъ русскихъ

писателей. Тѣ хотя выросли въ обстановкѣ крѣпостной культуры, но были ей враждебны по духу. Послѣ 19 февраля 1861 г. ни Тургеневъ, ни Гончаровъ, ни Достоевскій, ни Островскій, ни Толстой не проливали слезъ по крѣпостному праву и не сочили панегириковъ крѣпостной культурѣ. Тѣни великихъ русскихъ людей, которыхъ хотѣлъ оклеветать повременскій писатель, въ нашемъ лагерѣ. И нашъ духомъ — единственный, еще живущій, великій писатель русской земли—Левъ Толстой.

Прогрессивная Россія хорошо понимаетъ смыслъ великой реформы 19 февраля. Она не будетъ теперь преувеличивать ея значенія, но тѣмъ сознательнѣе помнитъ она ея пятидесятую годовщину. Задача настоящаго сборника—помочь выработкѣ такого сознательнаго отношенія при помощи данныхъ, добытыхъ до сихъ поръ русской наукою.

* * *

Детальное изученіе исторіи нашего крестьянства въ сущности началось сравнительно недавно. Знакомство съ его исторіей во всей полнотѣ возможно только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, основныя линіи эволюціи крестьянства поддаются учету уже и теперь. Это будетъ видно изъ бѣлаго обзора литературы.

Научное изученіе исторіи крестьянскаго сословія началось почти наканунѣ самой реформы. Пионеромъ въ этомъ отношеніи явился проф. Московскаго университета И. Д. Бѣляевъ, выпустившій замѣчательную для того времени работу «Крестьяне на Руси» (1858). Бѣляеву хотѣлось дать полную исторію крестьянскаго сословія до начала XIX в., когда начиается процессъ медленнаго раскрѣпощенія крестьянъ. Работа Бѣлева не потеряла своего значенія и для нашего времени, такъ какъ въ ней впервые приведенъ въ систему весь изданный до того времени архивный и законодательный матеріалъ. Работа Бѣлева—трудъ юридическій по преимуществу; онъ, главнымъ образомъ, занятъ изученіемъ измѣненій гражданской правоспособности и дѣеспособности крестьянъ въ зависимости отъ хода законодательства. Обработка только одного законодательнаго матеріала лишила Бѣлева возможности выяснить генезисъ крѣпостного права. Какъ юристъ, привыкшій оперировать съ юридическими нормами власти, Бѣляевъ, а еще раньше Татищевъ, Карамзинъ, впоследствии Чичеринъ, Соловьевъ, приписываетъ установленіе крѣпостного права одностороннему дѣйствию правительственной власти, обусловленному тѣмъ, что государство въ XVI вѣкѣ переживало тяжелый финансовый и политическій кризисъ. Установленіе крѣпостного права относятъ къ указу 1592 г., который, по нѣкоторымъ соображеніямъ, долженъ быть изданъ, но котораго до сихъ поръ еще никто не разыскалъ и о которомъ нельзя найти даже приблизительныхъ намеконъ въ извѣстномъ теперь матеріалѣ.

Съ точки зрѣнія И. Д. Бѣлева и его сторонниковъ, крѣпостное право носило поземельный характеръ, почти не касалось личности крестьянина и несколько не ограничивало его въ правахъ. Сокращеніе крестьянской правоспособности — дѣло XVIII вѣка, продуктъ дѣйствія другихъ причинъ, въ которыхъ правительство XVI в. неповинно. Крестьянинъ въ XVI—XVII вв. попрежнему оставался вполне правоспособнымъ человекомъ, плательщикомъ податей и членомъ своей общины, которая не исчезла даже и на владѣльческихъ земляхъ. Такова сущность юридической теоріи въ вопросѣ о генезисѣ крѣпостного права. Видя въ государствѣ отраженіе народнаго духа, историко-юридическая литература, конечно, могла забыть о народѣ и его бытѣ, на что неоднократно указывалось К. С. Аксаковымъ въ разборѣ выходившихъ томовъ исторіи С. М. Соловьева. Юридическая точка зрѣнія по вопросу о генезисѣ крѣпостного права нашла весьма талантливаго защитника въ лицѣ Сергѣевича и его ученика Дебольскаго.

Пересмотръ основаній юридической теоріи какъ разъ совпалъ съ моментомъ рѣзкаго перелома въ нашей историографіи, связаннымъ съ именемъ В. О. Ключевского, въ связи съ появленіемъ его замѣчательныхъ работъ «Боярская Дума древней Руси» и статей о «Происхожденіи крѣпостного права въ Россіи» («Русская Мысль», 1895, 8 и 10). Сергѣевичу приходилось не только заново конструировать генезисъ крѣпостного права съ точки зрѣнія юридической теоріи, но и потратить не мало усилій и неудачнаго остроумія на опроверженіе положеній, выдвинутыхъ В. О. Ключевскимъ и его школой. Новое направленіе въ историографіи отводитъ государству въ вопросѣ установленія крѣпостного права второстепенную роль. Крѣпостное право зародилось вѣдъ всякаго вліянія государственной власти. Послѣдняя лишь закрѣпила закономъ тѣ отношенія, которыя создались между помѣщиками и крестьянами. Законодательная формулировка юридическаго состоянія крестьянина вмѣстѣ съ категорическимъ прикрѣпленіемъ появляется лишь въ Уложеніи 1649 года. Конечно, В. О. Ключевскій, а за нимъ и его школа отрицаютъ существованіе указа 1592 г., какъ совершенно неизвѣстнаго и къ мысли о которомъ можно было прійти только послѣ предвзятаго толкованія указа 1597 г. о вѣщеніи исковъ о бѣглыхъ. Методологическіе приемы работы В. О. Ключевского существенно отличались отъ приемовъ другихъ изслѣдователей генезиса крѣпостного права. Вся его работа основана на изученіи огромнаго архивнаго матеріала: писцовыхъ книгъ, порядныхъ, кабалныхъ и др. грамотъ. Привлеченіе архивнаго матеріала дало возможность изучить положеніе крестьянина въ жизни, а не только сквозь призму голаго законодательнаго матеріала. По мнѣнію В. О. Ключевского, крѣпостное право сразу приняло личный характеръ: отчасти благодаря ссудѣ, при помощи которой строилось благосостояніе помѣщика, дававшей ему право на «крестьянскіе животы», и отчасти благодаря сближенію кабалнаго холодства съ крѣпостнымъ крестьянствомъ, а также и вліянію юридической природы перваго на второе.

Гипотеза В. О. Ключевского нанесла непоправимый ударъ юридической теоріи, и фактически она скоро стала общепризнанной въ научной литературѣ. Послѣдующая историографія, развивая основныя положенія В. О. Ключевского, внесла кое-какія дополненія, но генезисъ крѣпостного права объяснился ростомъ крестьянской задолженности. Съ этой точки зрѣнія дѣльна работа Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство XVI в.», рисующая ростъ крестьянской задолженности на фонѣ экономической эволюціи Московскаго государства.

Значительно менѣе удѣлено вниманія крестьянству въ XVII в. Вообще исторія постепеннаго закрѣпощенія въ связи съ отчѣной урочныхъ лѣтъ въ рядѣ работъ разработана довольно полно. Менѣе ясенъ вопросъ о характерѣ крѣпостного права, какъ оно формулировано въ Уложеніи 1649 г. Иллюстраціей фактическаго положенія крестьянина въ большой вотчинѣ можетъ служить извѣстная статья И. Е. Забѣлина «Большой бояринъ въ своей вотчинѣ». Она даетъ возможность опредѣлить, какой характеръ принимало крѣпостное право на практикѣ. Распоряженіе трудомъ и личностью крестьянина и заявленіе притязанія на его «животы», судебная отвѣтственность по всякаго рода искамъ, дѣлая система штрафовъ и наказаній, конечно, говорили о доминированіи личнаго элемента въ крѣпостномъ правѣ.

Помѣщичье хозяйство въ XVII вѣкѣ почти не изучено, отчасти по недостатку матеріаловъ, но постоянное бѣгство на югъ и запустѣніе замосковныхъ и центральныхъ мѣстностей, только что оправившихся послѣ Смуты, говорили о тяжеломъ положеніи населенія. Работа Ю. В. Готье «Замосковный край» знакомитъ читателя съ экономическимъ бытомъ московской Руси, даетъ обиліе матеріала, рисующаго экономическое положеніе крестьянина. Съ этой же стороны интересны работы Черетятковича о Поволжьѣ въ XVII в. и Миклашевскаго «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства», знакомящія съ бытовой обстановкой жизни крестьянина-новосела, большей частью бѣглеца, на вновь

колонизируемых дикихъ поляхъ. Очень важна для изученія экономического быта крестьянства работа А. С. Лаппо-Данилевскаго «Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ», а въ указанной работѣ Ю. В. Готье приведены данныя, знакомящія съ отраженіемъ на крестьяннѣ финансовой политики правительства. Авторъ констатируетъ все увеличивающійся ростъ государственнаго тягла, а въ связи съ ростомъ и земледѣльческаго тягла получится достаточно яркая картина экономического положенія крестьянства. Это вполне выясняетъ реальную причину народныхъ волненій XVII в.

Изучая судьбы крестьянства въ XVII в., В. О. Ключевскій подмѣтилъ весьма любопытное явленіе, впоследствии ставшее предметомъ спеціальной работы М. А. Дьяконова,— постепенное сближеніе холопства съ крестьянствомъ, благодаря тому, что холопы сажались на пашню, за недостаткомъ собственно крестьянскихъ рукъ. Окончательное смѣшеніе уже относится къ Петровской эпохѣ и находится въ связи съ установленіемъ подушной подати, что впервые было блестяще доказано В. О. Ключевскимъ въ его статьяхъ «Подушная подать и отмѣна холопства на Руси» и пересмотрѣно проф. Деномъ въ его статистико-экономической работѣ «Населеніе Россіи по пятой ревизіи».

И черносозные крестьяне сравнительно слабо затропуты изученіемъ, но все-таки кое-что существенное сдѣлано. Выясненъ фактъ ихъ постепеннаго исчезновенія въ центрѣ и Замосковѣ въ связи съ развитіемъ помѣстнаго землевладѣнія. Г-жа Ефименко въ своихъ «Исслѣдованіяхъ народной жизни» коснулась особенностей крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ, подмѣчая, что сего на основаніи изученія архивнаго матеріала. Тѣхъ же вопросовъ касаются и работы П. Иванова объ исторіи землевладѣнія и поземельныхъ союзахъ и передѣлахъ на сѣверѣ. Последнее время историографія по этому вопросу обогатилась замѣчательнымъ трудомъ М. М. Богословскаго, детально изучившаго на основаніи огромнаго архивнаго матеріала самоуправленіе въ странѣ черносознаго крестьянства—Поморьѣ.

Петровская эпоха въ исторіи крѣпостнаго права довольно слабо разработана въ литературѣ. Кромѣ работы Бѣльева, необходимо указать на «Историческія изслѣдованія и статьи» Побѣдоносцева. Работа послѣдняго, тоже юридическая по преимуществу, но тонкій подчасъ анализъ юридическихъ памятниковъ, чуждый предвзятой точки зрѣнія, далъ возможность установить, вопреки мнѣнію Бѣльева, что Петровское законодательство не внесло ничего новаго въ характеръ крѣпостной неволи, такъ какъ тенденція къ превращенію поземельнаго прикрѣпленія въ личное намѣчалась уже въ XVII в. Намъ непзвѣстны бытъ помѣщичьей деревни въ Петровскую эпоху, и сейчасъ трудно отчетливо представить себѣ отношеніе крестьянина къ помѣщику, но зато работы П. П. Милокова «Государственное хозяйство при Петрѣ» рисуютъ намъ тяжелое положеніе крестьянина, какъ плательщика податей, всею тяжестью падавшихъ на его плечи. По исторіи крестьянства въ XVIII вѣкѣ можно отмѣтить рядъ работъ. Крѣпостное право въ XVIII вѣкѣ было уже затропуто историкомъ русскаго дворянства А. В. Романовичемъ-Славатинымъ, коснувшимся вопроса о закрѣпощеніи крестьянъ въ XVIII вѣкѣ, въ связи съ ростомъ дворянскихъ правъ и привилегій. Въ работѣ А. В. Романовича-Славатинскаго крѣпостное право затропуто въ общихъ чертахъ, но все-таки ему удалось отмѣтить основныя черты крестьянской неволи въ XVIII в. Особенно посчастливилось крестьянамъ въ царствованіе Екатерины II. Изученіе ихъ быта стало предметомъ ученой дѣятельности В. И. Семевскаго, и это сдѣлано съ почти исчерпывающей полнотой.

В. И. Семевскій выпустилъ въ свѣтъ два тома. Первый, посвященный помѣщичьимъ крестьянамъ и посессионнымъ, вышелъ еще въ 1881 году. Появленіе его, конечно, было событіемъ, такъ какъ до этого труда не было подобной работы, столь разносторонней по задачамъ и цѣлямъ. В. И. Семевскій изучилъ помѣщичьихъ и посессионныхъ крестьянъ съ юридической и бытовой точекъ зрѣнія, и тогда же далъ отчетливую картину вопроса, впро-

чемъ, значительно дополненную въ новомъ изданіи. Это статика крѣпостного права. Второй томъ посвященъ государственнымъ крестьянамъ въ XVIII вѣкѣ. До работы В. П. Семевского и въ этомъ отношеніи чувствовался существенный пробѣлъ, такъ какъ трудъ Веникова, въ которомъ авторъ поставилъ задачей объяснить исторически происхожденіе названій государственныхъ крестьянъ и написанный на основаніи П. С. З., конечно, устарѣлъ. Семевскій начиналъ работу на печатомъ полѣ, и, несмотря на обиліе матеріала, ему удалось блестяще выполнить свою работу. Авторъ не только далъ историческую картину образованія названій государственныхъ крестьянъ, но въ то же время познакомилъ читателя съ его экономическимъ и общественнымъ бытомъ во всей исчерпывающей полнотѣ.

Исторія XVIII вѣка — исторія постоянныхъ крестьянскихъ волненій, воедино слившихся въ Пугачевщинѣ. Не мало сдѣлано въ этомъ отношеніи В. П. Семевскимъ, а для исторіи Пугачевщины появилось довольно много матеріаловъ. Особенно цѣнны матеріалы Дубровина. Установленіе крѣпостного права въ Малороссіи связано съ именемъ Екатерины II. Долгое время введеніе его объяснялось одностороннимъ актомъ верховной власти, вслѣдствіе чего получалась весьма неполная и неотчетливая картина историческихъ судебъ малорусскаго крестьянства. Работа Лазаревского ¹⁾, Мякотина ²⁾ и Барвинскаго показали, что крѣпостное право возникло на почвѣ перемѣнъ въ соціальной структурѣ въ страѣ, и правительству пришлось только нормировать закономъ существующее отношеніе. Барвинскій ³⁾ особенно подчеркиваетъ вліяніе денежнаго хозяйства въ процессѣ обезземеленія носполитыхъ и происхожденія крѣпостного права въ Малороссіи.

Исторія крестьянъ въ XIX вѣкѣ почти не разработана; ни центральные ни архивы частныя почти не тронуты изслѣдователями. Въ особенности необходимо серьезное изученіе послѣднихъ, такъ какъ только по детальномъ изученіи каждаго помѣщичьяго хозяйства въ отдѣльности можно нарисовать картину экономического развитія страны наканунѣ крестьянской реформы, столь существенно повліявшаго на отмѣну крѣпостного права, а до полнаго изученія этого вопроса приходится довольствоваться сравнительно незначительнымъ количественно матеріаломъ, и на основаніи послѣднихъ возстановить картину, можетъ-быть, не совсѣмъ точную, крѣпостного хозяйства въ Россіи XIX вѣка, какъ это сдѣлало П. Б. Струве («Миръ Божій», 1899 г., 10—12) и отчасти Н. А. Рожковымъ въ статьѣ «Экономическія причины паденія крѣпостного права». Впрочемъ, въ смыслѣ разработки семейныхъ архивовъ уже кое-что сдѣлано. Сошлемся на превосходныя работы Волконскаго («Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ») и Павлишина («Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные»). Этому же вопросу посвящена и работа Сибѣннскаго, изучавшаго помѣщиковъ и крѣпостныхъ Нижегородской губерніи наканунѣ реформы. Г-жа И. Игнатовичъ, на основаніи опубликованнаго матеріала и данныхъ редакціонныхъ комиссіи о помѣщичьихъ имѣніяхъ, попыталась дать синтетическую работу, рисующую положеніе помѣщичьихъ крестьянъ во всей Россіи, не исключая западныхъ и малорусскихъ губерній. Мало изучены и государственные крестьяне. Кромѣ общихъ замѣчаній о положеніи государственныхъ крестьянъ въ трудѣ Заблоцкаго-Десятовскаго о графѣ Киселевѣ и нѣсколькихъ журнальныхъ статей по вопросу о крестьянскихъ волненіяхъ и отчасти ихъ общаго землевладѣнія — въ литературѣ не сдѣлано ничего. Больше извѣстенъ бытъ удѣльныхъ крестьянъ. Много сырого матеріала, пуждающагося въ дальнѣйшей обработкѣ, даетъ трехтомная «Исторія удѣловъ», а съ общипнымъ бытомъ удѣльныхъ крестьянъ знакомитъ прекрасная книга В. В. «Къ исторіи общины въ Россіи».

¹⁾ «Малороссійскіе крестьяне». ²⁾ «Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія». ³⁾ «Крестьяне лѣвобережной Малороссіи». («Русское Богатство», 1894, 2—4).

Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что фактическое изученіе крестьянской реформы только начато. Не изучены даже во всѣхъ подробностяхъ издашвыя матеріалы, не говоря уже о томъ, что архивные документы также не троцуты изученіемъ. Огромное значеніе для исторіи крестьянской реформы имѣетъ собраніе матеріаловъ первостепенной важности въ трудахъ А. П. Скребицкаго и Н. П. Семенова; но они все еще ждутъ изслѣдователя. Работа Иванюкова «Паденіе крѣпостного права въ Россіи» и трудъ Корнилова «Крестьянская реформа» даютъ общій выѣшній очеркъ реформъ, лишь бѣгло касаясь вопроса разработки вопросовъ въ различныхъ инстанціяхъ. Впрочемъ, съ послѣдней точки зрѣнія болѣе удовлетворяетъ читателя вышеупомянутая работа Корнилова, въ которой болѣе подробно разсмотрѣна постановка и разработка крестьянскаго вопроса въ губернскихъ комитетахъ, редакціонныхъ комиссіяхъ и главномъ комитетѣ. Тотъ же авторъ губернскимъ комитетамъ посвятилъ рядъ дѣльныхъ статей въ журналѣ «Русское Богатство». Очень бѣгло затронуть вопросъ объ отношеніи русскаго общества къ крестьянской реформѣ. Этотъ вопросъ все еще ждетъ детальнаго изслѣдованія, какимъ является замѣчательный трудъ В. И. Семевскаго о крестьянскомъ вопросѣ въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка, въ которомъ съ исчерпывающей полнотой изучено отношеніе русскаго общества къ крѣпостному праву. Очень цѣпно въ экономико-статистическомъ отношеніи изслѣдованіе Ходскаго «Земля и земледѣлецъ», въ которомъ авторъ слѣдитъ за примѣненіемъ въ жизни началъ положенія 19 февраля 1861 г. и его вліяніемъ на судьбу крестьянскаго землевладѣнія. вмѣстѣ съ работой Янсона по статистикѣ крестьянскихъ надѣловъ и платежей, этотъ трудъ даетъ полное представленіе о ближайшихъ результатахъ крестьянской реформы — о вліяніи на крестьянское землевладѣніе и его экономическій бытъ. Обѣ работы захватываютъ періодъ отъ введенія реформы до начала 90-хъ годовъ.

Помимо работъ Янсона и Ходскаго, изученію экономическаго быта пореформеннаго крестьянства посвящено множество работъ, очень цѣнныхъ по массѣ фактическаго характера. Наиболѣе были продуктивны въ этомъ отношеніи 90-е годы въ связи съ голодомъ 1892 г. и теоретическими спорами по вопросу о судьбахъ капитализма въ Россіи и послѣдніе года, когда обострились аграрныя отношенія, а правительство и русское общество въ наиболѣе прогрессивныхъ кругахъ разошлись по вопросу о мѣрахъ для ослабленія аграрнаго голода и подпятія крестьянскаго благосостоянія. Историкъ аграрныхъ отношеній въ Россіи не можетъ не упомянуть имя А. П. Чупрова, давшего рядъ цѣнныхъ работъ по аграрному вопросу, создавшего земскую статистику, благодаря которой цѣлая группа его учениковъ могла заняться статистическимъ изученіемъ деревни. Только на основаніи послѣдняго детальнаго статистическаго изученія деревни могла быть написана столь богатая по фактамъ и цѣпная по выводамъ работа Щербини—«Крестьянскіе бюджеты». Въ связи съ аграрнымъ вопросомъ въ научной литературѣ изучали и судьбы русскаго общиннаго землевладѣнія, жизнеспособность котораго и цѣлесообразность отрицались частью экономистовъ-изслѣдователей, главнымъ образомъ, со стороны марксистскаго лагеря въ 90-хъ годахъ. Теоретическіе споры между народниками и марксистами по вопросу о судьбахъ земледѣлія и общины Россіи дали возможность пересмотрѣть весь вопросъ сначала, и, въ концѣ-концовъ, прийти къ примирительному выводу, въ которомъ нѣтъ крайностей народнической и марксистской теоріи. Интересы землевладѣнія и крупное капиталистическое хозяйство отнюдь не требуютъ ни разрушенія общины ни созданія безземельнаго пролетаріата. Практика жизни говоритъ въ пользу того, что законъ концентраціи капитала непримѣнимъ въ точномъ смыслѣ къ сельскому хозяйству, а веденіе крупнаго капиталистическаго хозяйства исполнѣ возможно и при сохраненіи общинно-кооперативнаго быта, даже при существованіи мелкаго землевладѣнія.

Статистическія же работы Кочаровскаго, Посникова, Пъшехолова, В. В., Мануилова наглядно обнаружили жизнеспособность общины и преждевременность мало обоснованнаго мнѣнія о ея фактическомъ умираніи. Къ сожалѣнію, эти научно-обоснованные выводы не имѣли никакого вліянія на аграрное законодательство народнаго представительства, поспѣшившаго похоронить общину и насадить хуторское хозяйство задолго до естественнаго разможенія самого общиннаго землевладѣнія. Въ связи съ изученіемъ судебъ капитализма и аграрнаго строя, были предприняты спеціальныя изслѣдованія объ отходѣ изъ деревни и вліяніи фабрично-заводской промышленности на бытъ деревни и на хлѣбныя дѣлы. Конечно, для изученія экономическаго быта русскаго крестьянства все это вопросы перво-степенной важности, лишній разъ показывающіе, съ какимъ вниманіемъ и любовью русская наука и публицистика отнеслись къ изученію судебъ пореформеннаго крестьянства. Не меньше вниманія удѣлено въ нашей научной литературѣ и юридическому положенію крестьянина. По существу этотъ вопросъ въ настоящее время изученъ съ исчерпывающей полнотой. Отмѣтимъ коллективный трудъ подѣ редакціей А. А. Мануилова, «Очерки по крестьянскому вопросу», 2 т.; Страховскій, «Крестьянскія права и учрежденія», Прокоповичъ, «Мѣстные поды о пуждахъ Россіи», «Нужды деревни» и спеціальную работу А. Леонтьева «Крестьянское право».

* * *

Подбирая иллюстраціи къ юбилейному изданію, посвященному исторіи нашего крестьянства, редакція руководилась двумя соображеніями: съ одной стороны, хотѣлось, конечно, прежде всего использовать тотъ матеріалъ, который давали для иллюстраціи крестьянскаго и помѣщичьяго быта современники въ различныя эпохи нашего прошлаго, съ другой — взять наиболѣе яркое и типичное изъ созданнаго художниками нашихъ дней. Естественно, что и въ послѣднемъ случаѣ преобладала историческая и публицистическая точка зрѣнія: не художественнымъ достоинствамъ того или другаго произведенія руководилась подчасъ редакція, а тѣмъ моментомъ, который изображаютъ взятая картина или рисунокъ. Редакція хотѣлось по возможности всесторонне освѣтить въ иллюстраціяхъ крестьянскій вопросъ, охарактеризовать его экономическую, общественно-правовую и идейную сторону. Конечно, это можно было сдѣлать лишь постольку, поскольку нашелся соответствующій художественный и бытовой матеріалъ и поскольку удачны были въ этомъ отношеніи самостоятельныя, но по неизбѣжности ограниченные розыски редакціи. Иллюстраціи могли служить лишь нѣкоторымъ дополненіемъ къ тексту.

Въ подписяхъ подѣ рисунками по возможности указывались источники и пособія, которыми удалось воспользоваться. Нѣкоторыя вещи приходилось брать изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ редакціи первоисточники не всегда были доступны: напримѣръ, богатой Дашковской коллекціей нельзя было даже пытаться воспользоваться въ виду недавно послѣдовавшей кончины ея владѣльца. Главнѣйшимъ источникомъ для иллюстраціонной части послужили коллекціи Историческаго музея въ Москвѣ (въ особенности пожертвованныя въ музей покойнымъ А. П. Вахрушинымъ), музея Н. Н. Щукина и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ (гр. В. Н. Бобринской, гр. С. В. Паниной, С. П. Мельгунова), а также бібліотеки Историческаго музея, Румянцевскаго музея, Петербургской Публичной бібліотеки (отдѣлъ россики), Московскаго университета, Литературно-Художественнаго Кружка. Затѣмъ художественныя собранія Румянцевскаго музея, Третьяковской галереи и коллекціи Этнографическаго музея при Московскомъ университетѣ. Заставки преимущественно взяты изъ извѣстнаго изданія В. В. Стасова и собраній Педагогическаго музея при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. Эн.

Для иллюстрацій некоторых важных, по мнению редакции, моментов не нашлось подходящего материала: эти пробелы решено было восполнить картинками, специально выполненными для настоящего издания. При совместной работе с художниками, взявшимися за написание указанных картин, редакцией было обращено внимание преимущественно на соответствие картины с исторической действительностью, насколько послѣдняя выступает на фонѣ научных изысканий и может быть воспроизведена кистью художника. Таким образом в основѣ каждой из вновь написанных картин лежит фактъ, установленный в исторической литературѣ или засвидѣтельствованный современникомъ.

Не будет лишнимъ сказать несколько словъ и о портретахъ. Не придавая имъ первенствующаго значенія (большинство ихъ за послѣдніе годы появилось въ прекрасно выполненномъ видѣ въ цѣломъ рядѣ историко-литературныхъ трудовъ), редакция считала, тѣмъ не менѣе, необходимымъ въ юбилейномъ изданіи помѣстить портреты тѣхъ русскихъ дѣятелей, которые боролись противъ крѣпостного права и содѣйствовали освобожденію народа отъ рабскихъ цѣпей экономической, соціального и политическаго гнета; на ряду съ этимъ помѣщены и портреты наиболѣе видныхъ крѣпостниковъ, какъ теоретиковъ рабовладѣнія, такъ и практиковъ. Портреты помѣщались, главнымъ образомъ, примѣнительно къ тексту, т.-е. помѣщались почти исключительно портреты тѣхъ лицъ, имена которыхъ фигурируютъ въ изложеніи. Къ сожалѣнію, не всегда можно было помѣстить изображеніе того, чье имя за дѣятельность въ отдаленномъ прошломъ заслуживаетъ памяти потомства. Гдѣ найти портреты тѣхъ немногихъ депутатовъ Екатерининской комиссіи, ратовавшихъ противъ крѣпостного права? Потомству о нихъ, повидимому, оставленъ лишь литературный памятникъ. Легко найти портреты титулованныхъ лицъ, написанные иностранцами и крѣпостными художниками; они разсыпаны въ частныхъ и общественныхъ коллекціяхъ; они воспроизведены въ прекрасныхъ изданіяхъ въ родѣ изданія вел. кн. Николая Михайловича «Русскіе портреты XVIII в.» и т. д.

Портретами изъ послѣдней серіи, изъ музейскихъ и частныхъ коллекцій и отдѣльныхъ историческихъ изданій редакция и пользовалась для своихъ цѣлей. Повидимому, некоторые портреты появятся впервые въ книжномъ воспроизведеніи.

Наибольшую трудность, конечно, представлялъ подборъ иллюстрацій къ отдаленной эпохѣ XVI—XVII вв., откуда въ сущности начинается повѣствованіе о крѣпостномъ правѣ и о борьбѣ противъ него закрѣпощеннаго крестьянства. Въ этотъ моментъ иллюстраторами могли явиться исключительно лишь иностранцы, посѣщавшіе Россію. Для иностранца повседневный бытъ низшихъ классовъ не заслуживалъ большого вниманія, и меньше всего именно та сторона, которая преимущественно интересуетъ насъ, т.-е. возрастающее соціальное неравенство. Такіе моменты, наиболѣе трудные для воспроизведенія въ видѣ иллюстрацій, понятно, отсутствуютъ въ изданныхъ путешествіяхъ иностранцевъ XVII столѣтія. Лишь внѣшній укладъ крестьянскаго быта пашель себя отчасти откликъ въ иллюстраціяхъ посѣщавшихъ Россію иностранцевъ. Рисунки эти имѣютъ почти исключительно историческій интересъ, какъ отраженіе впечатлѣній современниковъ, воспроизведенныхъ еще неумѣлымъ и подчасъ самымъ рѣзцомъ гравера. Конечно, лишь очень приблизительно соответствуютъ они действительности, лишь некоторые черты ихъ являются характерными для крестьянскаго быта XVII в. кое-что можно было все-таки почерпнуть изъ наивныхъ набросковъ современниковъ: таковы изображенія внѣшняго вида русскихъ деревень, имѣющіяся въ альбомѣ Мейерберга; типы крестьянъ въ путешествіи Олеарія и изображеніе народныхъ развлеченій тамъ же. Вотъ почти все, что, повидимому, какъ главный источникъ, можно указать для XVII столѣтія. Этого, очевидно, болѣе чѣмъ недостаточно. Изъ картинъ современныхъ намъ художниковъ, кажется, лишь двѣ посвящены отчасти крѣпостному праву XVII ст. (не считая тѣхъ, которыя появились въ серіяхъ историческихъ картинъ, изданныхъ раз-

личными фирмами); это картина бар. Клода «Шутъ» и Карелина «Забава». Обѣ онѣ (воспроизводимыя въ изданиі) изображаютъ неизбежную принадлежность крѣпостного помещичьяго быта—придворныхъ дураковъ и шутовъ. Редакціей помѣщено еще двѣ новыхъ картины, написанныхъ спеціально для изданія художникомъ К. В. Лебедевымъ: одна изъ нихъ изображаетъ «Свозъ крестьянъ» въ XVI в., какъ наиболее характерное явленіе данной эпохи, другая — опустѣвшую деревню XVII в., изъ которой бѣжало население, обремененное непосильными финансовыми требованіями казны и гнетомъ служилого помещика.

Для характеристики свободнаго крестьянства XVII в. въ Поморьѣ, къ сожалѣнію, трудно было что-нибудь найти. Здѣсь помѣщены типы поморь-старообрядцевъ, набросанные уже въ XVIII в., и рѣчныя загорожденія для рыбной ловли той же эпохи, могущія характеризовать складнической крестьянской трудъ.

Эпоха Петра оказалась наиболее бѣдной. Здѣсь въ сущности не удалось подыскать почти ничего специфическаго для характеристики быта русскаго крестьянина. Даже нѣтъ, по видимому, портрета крестьянскаго радѣтеля Посошкова. Помѣщенная картина художника А. В. Моравова «Прорытіе Ладожскаго канала» должна характеризовать собой тотъ принудительный трудъ для общественныхъ работъ, который въ широкихъ объемахъ практикуется полицейскимъ государствомъ Петра и для котораго изъ всей Россіи сгоняются тысячныя толпы крестьянъ. Вторая половина XVIII и начало XIX столѣтія уже болѣе благодарны въ смыслѣ иллюстраціи. Иностранцы конца XVIII в. дали многочисленныя изображенія типовъ русскіхъ крестьянъ, заглянули во внутренность избы, изображая небезынтересныя сценки изъ народной жизни и народнаго труда, и даже, пожалуй, коснулись нѣкоторыхъ сторонъ крѣпостнаго права. Въ иностранныхъ гравюрахъ XVIII в. много вниманія удѣляется наказаніямъ, практиковавшимся въ Россіи: кнутъ, плеть, батоги фигурируютъ чрезвычайно часто и у различныхъ авторовъ. Особенно для насъ интересны въ данномъ случаѣ наказанія именно крестьянъ, какъ они, напримѣръ, представлены у англичанина Аткинсона. Многіе изъ этихъ рисунковъ еще недостаточно жизненны по манерѣ писанія, другіе приторно слащавы, третьи изображаютъ русскаго крестьянина подѣ французскаго и т. д. Но само по себѣ уже примѣчательно, что крестьянскому быту удѣляется значительное вниманіе. Не оставленъ безъ вниманія и помещикъ-баринъ: характерна, напримѣръ, карета съ гайдуками у Аткинсона „Manners and customs of the Russians“ (1803 г.) или у него же егеря; чрезвычайно жизненно изображеніе крестнаго хода у Грубера и Гейслера: „Sitten, Gebräuche und Kleidung der Russen. Leipzig, 1793 г.“—помѣщикъ, шествующій съ набожно-важнымъ видомъ впереди священника... Кромѣ упомянутыхъ, соотвѣтствующіе рисунки замѣтнованы изъ путешествія Сох'а 1784 г., книги Курфера 1776 г., альбома Le Prince'a 1764 г., изъ книги аббата Chappe d'Auteroce „Voyage en Sibirie“ 1761 г., Гуна «Изъ Москвы въ Малороссію» (1806), англійскаго изданія „The Costume of the Russians“ 1804, Robert Lyall „The character of the Russians“ (1823), Poubigant „Moeurs et costumes des Russes“ (1821), Breton „La Russie: moeurs, usages et costumes“ (1813) и нѣкоторыхъ другихъ. По качеству выполненія изъ перечисленныхъ источниковъ наиболее выдѣляется альбомъ Le Prince'a, гдѣ изображенія русскаго крестьянскаго быта отдають изящной манерностью школы Буше и Фрагонара. Но особенно дѣшной для XVIII в. является дѣйствительно прекрасная группа русскіхъ крестьянъ датскаго художника Эриксона. Его «Семейство русскіхъ крестьянъ» находится въ картинной галлерей Румянцевскаго музея. Эриксенъ былъ въ свитѣ Екатерины II во время ея путешествія въ Крымъ; по «приказанію императрицы» онъ написалъ эту картину, заключающую въ себѣ грудные портреты старика-дѣда, бабки и ихъ домочадцевъ.

Вторая половина XVIII в.—золотой вѣкъ дворянства, привольной и широкой жизни на основѣ крѣпостнаго труда. Въ дворянской бытѣ проникаетъ роскошь, высшее дворянство

начинает подражать двору, который, в свою очередь, стремится уподобиться «славной Версалии»... Помѣщая невзрачный помѣщичій домъ, изображеніе котораго находится въ запискахъ извѣстнаго Болотова (1763 г.), мы беремъ въ то же время роскошные дворцы, появляющіеся въ помѣстьяхъ царедворцевъ. Въ книгѣ помѣщены, напимѣръ, дворцы въ Останкинѣ и Кусковѣ Шереметьевыхъ, въ Архангельскомъ Юсуповыхъ, въ Шаблыкинѣ (Орлов. губ.) Кирѣевскихъ, въ Ахтыркѣ (близъ Хотькова) Трубецкихъ, въ Марѣицѣ (Моск. губ.) Пашныхъ, въ Батуринѣ (близъ Глухова) К. Разумовскаго, Бобринскихъ въ Богородицкомъ уѣздѣ и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ берутся съ современныхъ снимковъ (XVIII или началъ XIX в.), съ другихъ сдѣланы снимки специально для настоящаго изданія фотографомъ Т-ва И. Д. Сытина. Редакція предлагаетъ воспользоваться и нѣкоторыми интересными снимками помѣщичьихъ усадебъ, появляющимися въ журналѣ «Старые Годы».

Придворный бытъ, которому стремится подражать высшее дворянство, довольно ярко изображенъ въ старой картинѣ Лансере «Елизавета Петровна въ Царскомъ Селѣ» и въ очень яркой картинѣ художника Якоби «Шуты при дворѣ Анны Иоанновны». Но за этимъ вышнимъ блескомъ скрывается рабовладѣніе, ужасы истязаній разныхъ Салтычихъ, Шепшиныхъ и т. д. Эта ужасная и развращающая сторона крѣпостного права до сихъ поръ еще нешла себѣ отраженія въ художественныхъ изображеніяхъ. Редакція считала необходимымъ дать соответствующую картину художника Курдюмова, изображающую по возможности въ мягкихъ тонахъ истязанія крѣпостныхъ Дарьей Салтыковой.

Протестъ крѣпостныхъ противъ «мучителей», выразившійся въ Пугачовщинѣ, привлекъ такъ же къ себѣ вниманіе иностранцевъ, какъ и раньше бунтъ Степки Разина. Мы имѣемъ нѣсколько, конечно, въ значительной степени анопрофическихъ портретовъ вождей поднявшагося крестьянства, нѣсколько гравюръ, посвященныхъ усмиренію Пугачовщины, а также прекрасную картину Перова «Судъ Пугачова».

Начало XIX в., когда появляется уже русская школа, русскіе художники, живопись приближается къ дѣйствительности, становится въ значительной степени реальной. Какъ отнесется она къ крестьянскому быту и къ крѣпостному праву? Уже отецъ русскаго жанроваго натурализма Венеціановъ (1779—1847) далъ безспорно интересные типы крестьянъ: за нимъ Тропининъ (1776—1857), художникъ, вышедшій изъ крѣпостной среды, набрасываетъ привлекательные, слегка идеализированные, образы «пряжи» и «кружевницы», т.-е. крѣпостныхъ дѣвушекъ, и, быть-можетъ, тѣмъ самымъ привлекаетъ вниманіе общества къ крестьянцу - человѣку, а не рабу. Для начала XIX в. интересные наброски дѣлаетъ камергеръ А. Н. Львовъ, набрасывая крестьянскія деревушки во время своей поѣздки по Россіи. Къ 20 гг. относятся извѣстные рисунки Орловскаго. Въ 40 гг. интересны рисунки Colman'a. Наканунѣ освобожденія можно указать цѣлый рядъ альбомовъ, дающихъ изображеніе сценъ изъ народнаго быта: Святочный альбомъ Рыбинскаго (1858), Святочные игры Деллинга (1859), Русскіе типы Вальтера и нѣкоторые другіе. Богаче становится и этнографическій матеріалъ—достаточно указать на рисунки, помѣщаемые въ художественномъ листкѣ Тима (1851—62 гг.). Выступаютъ художники Трутовскій (1826—1893) и Соколовъ (1821—1899), большинство картинъ которыхъ, впрочемъ, относится уже къ пореформенному времени.

Итакъ, представленъ крестьянщій и крестьянскій бытъ все же довольно полно. А крѣпостное право? У Трутовскаго есть на него намеки, напимѣръ, картины: «Благотѣлища», «Послѣ обѣда» и др., но это скорѣе изображеніе помѣщичьяго быта съ нѣсколько патриархальнымъ оттѣнкомъ. Такіе же намеки мы найдемъ и ранѣе у Венеціанова для помѣщичьяго хозяйства. Но крѣпостное право, какъ таковое, конечно, и не могло пайти себѣ отраженіе въ художественныхъ изображеніяхъ. Крѣпостные художники рисовали своихъ баръ и ихъ помѣстья. Вольная кисть художника неизбѣжно паталкивалась на цепзурный